

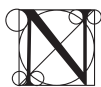

*Different
Seasons*

**СТИВЕН
КИНГ**

Stephen King

**ЧЕТЫРЕ
СЕЗОНА**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Coe)-44
К41

Серия «Кинг: книжная полка»

Stephen King
DIFFERENT SEASONS

Перевод с английского

Художник *А. Фerez*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Четыре сезона : [сборник] / Стивен Кинг ; [перевод с английского] — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 544 с. — (Кинг: книжная полка).

ISBN 978-5-17-181751-0

Стивен Кинг — писатель, любящий традиции. И одна из них — это публикация сборников, неизменно состоящих из четырех повестей. «Четыре сезона» стал первым таким сборником.

Здесь каждое произведение — небольшое путешествие, тон и настроение которому задает определенное время года...

Весна — и невинно осужденный человек приговорен к пожизненному заключению, однако пока в нем живет надежда — он будет шаг за шагом претворять в жизнь свой гениальный план побега.

Лето — и в маленьком городке старшеклассник Тодд Боуден становится одержим темным прошлым старика по соседству, постепенно становясь его учеником.

Осень — и четверо изнывающих от скуки подростков бредут сквозь темный, бесконечный лес, чтобы посмотреть на труп.

Зима — и пожилой врач начинает удивительный рассказ о сильной женщине, решившей одержать победу над смертью.

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Coe)-44

© Stephen King, 1982

© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕСНЫ ИЗВЕЧНЫЕ НАДЕЖДЫ	
Рита Хэйворт и побег из Шоушенка. <i>Перевод С. Таска</i>	9
ЛЕТО РАСПАДА	
Способный ученик. <i>Перевод В. Антонова</i>	115
ОСЕНЬ НЕВИННОСТИ	
Тело. <i>Перевод Е. Корягиной</i>	317
ЗИМНЯЯ СКАЗКА	
Метод дыхания. <i>Перевод К. Егоровой</i>	461
ПОСЛЕСЛОВИЕ. <i>Перевод К. Егоровой</i>	533

Грязные дела я сделаю задаром.

AC/DC

О, до меня слух дошел...

Норман Уитфилд

*Tout s'en va, tout passe, l'eau coule,
et le coeur oublie*.*

Флобер

---

* Все уходит, все проходит, реки продолжают течь, а сердце забывает (фр.). — Примеч. ред.

Весны извечные надежды

**РИТА ХЭЙВОРТ
И ПОБЕГ ИЗ ШОУШЕНКА**

Рассу и Флоренс Дорр

Такие, как я, есть, наверно, в каждой местной или федеральной тюрьме Америки: все достану, только попросите. Обычные сигареты или, если пожелаете, с травкой, бутылку бренди, чтобы вместе со своим отпрыском — мысленно — отпраздновать окончание школы, — словом, все, что вашей душе угодно... в пределах разумного. Но, как вы понимаете, приходится попотеть.

Я попал в это заведение двадцатилетним и, в отличие от большинства членов нашей небольшой, но дружной семьи, честно хочу отсидеть за содеянное. На моей совести убийство. Я застраховал на приличную сумму свою жену, после чего заклинил тормоза «шевроле», подаренного нам на свадьбу ее отцом. Все произошло так, как я рассчитал... вот только по дороге она подобрала соседку с ребенком, направлявшихся в город. Разогнавшись на склоне Замкового холма, машина не смогла остановиться и протаранила кусты перед ратушной площадью. Очевидцы показали, что на скорости пятьдесят миль в час, если не больше, машина врезалась в цоколь памятника жертвам Гражданской войны и загорелась.

Я также не рассчитывал, что меня вычислят, но меня вычислили. Я получил бессрочную прописку в этом заведении — тюрьме Шоушенк. В штате Мэн нет смертной казни, но окружной прокурор сумел навесить на меня три убийства, и суд приговорил меня к трем пожизненным заключениям. Что перечеркнуло всякую надежду на досрочное освобождение, хотя бы через много лет. Судья назвал то, что я совершил, «чудовищным, омерзительным злодеянием», и он был прав, но правда и то, что это дело прошлое.

Вы можете найти отчет о нем в пожелтевшей подшивке касл-роковского «Вестника», где крупно набранные заголовки о моем приговоре выглядят несколько устаревшими и несерьезными рядом с сообщениями о Гитлере и Муссолини или о раздаче благотворительных обедов рузвельтовским комитетом.

Вы спрашиваете, исправился ли я? Я не очень понимаю, что значит это слово, во всяком случае, применительно к тюрьме или колонии. По-моему, это слово из лексикона политиков. Возможно, оно имеет какой-то другой смысл, и я его когда-нибудь постигну, но это уже дело будущего, а о нем заключенный приучает себя не думать. Я был молод и хорош собой, и детство мое прошло в квартале бедноты. Я обрюхатил смазливую, взбалмошную, на редкость упрямую девицу, жившую в одном из старых особняков на Карбайн-стрит. Ее отец согласился на наш брак при условии, что я поступлю на службу в его фирму по изготовлению оптики и «проделаю весь путь наверх». Я очень быстро понял: ему просто надо было взять меня на короткий поводок — как своевольного, почти приبلудного пса, способного укусить в любую минуту. Со временем ненависть разрослась во мне до таких размеров, что толкнула на известный поступок. Повторись все сначала, я бы ничего такого не совершил, но, пожалуй, из этого еще не следует, что я исправился.

Так или иначе, речь здесь не обо мне, а о парне по имени Энди Дюфрен. Но, прежде чем рассказать про Энди, я должен объяснить вам кое-что про себя. Это не займет много времени.

Как я уже сказал, я тот, кто в этой тюрьме может все достать, а оттрубил я здесь без малого сорок лет. Речь не только о контрабанде сверхлимитных сигарет или выпивки, хотя в моем списке они всегда стоят на первом месте. Но я доставал для заключенных еще много чего, в том числе вполне законные вещи, которые, однако, не так-то просто раздобыть — ведь смысл пребывания в подобном месте состоит как раз в том, чтобы пресекать все желания. Один парень угодил сюда за изнасилование малолетки и эксгибиционизм; я достал для него три куска розоватого вермонтского мрамора, из которого он сделал замечательные статуэтки — младенца, мальчика лет двенадцати и бородатого молодого человека. Он на-

звал их «Три возраста Иисуса», и сейчас эти статуэтки украшают гостиную бывшего губернатора штата.

Если вы выросли в краях севернее Массачусетса, вы можете припомнить имя Роберт Алан Коут. В 1951 году он попытался ограбить Первый торговый банк в Микеник-Фоллзе, и кровавая перестрелка закончилась шестью трупами — два члена банды, три заложника и дурачок полицейский, не вовремя высунувший нос и полувивший пулю в глаз. Так вот, у Коута была коллекция монет. Естественно, о том, чтобы взять ее с собой в тюрьму, речь как-то не заходила, однако, при содействии его матери и парня, увозившего белье из тюремной прачечной, я все устроил. Бобби, сказал я Коуту, надо быть психом, чтобы хранить коллекцию монет в нашем железобетонном отеле, где в каждом втором номере живет вор. Он улыбнулся: «Я знаю, где ее припрятать. Не беспокойся, все будет в порядке». И он оказался прав. Бобби Коут умер от опухоли мозга в шестьдесят седьмом, но его коллекцию монет так и не нашли.

Я доставал «мужской» шоколад на День святого Валентина; я добыл одному чудиле по имени О'Мэлли три молочных коктейля, зеленые такие, их продают в «Макдоналдсе» на День святого Патрика; я даже устроил ночной просмотр «Глубокой глотки» и «Дьявола в мисс Джонс», для чего пришлось скинуться двадцати зэккам... в результате этой авантюры я отсидел неделю в карцере. Тот, кто может все достать, должен быть готов к неприятностям.

Я доставал справочники и порнуху, всякие штучки вроде жужжалки или порошка, вызывающего чесотку, не один и не два раза я доставал для тех, кто отбывает большие сроки, трусики жены или любимой девушки... я думаю, вам не надо объяснять, что с ними делают в тюрьме, когда ночь кажется длинной, как лезвие финки. Конечно, все, что я достаю, стоит денег, и порой немалых, но я делаю это не только из-за денег. Солить мне их, что ли? Все равно мне не купить «кадиллак» и не слетать на две недельки в феврале на Ямайку. Я это делаю по той же причине, по какой хороший мясник продает вам свежее мясо: надо дорожить своей репутацией. Есть две вещи, которыми я не занимаюсь, — оружие и сильные наркотики. Если кто-то хочет убить себя или другого, то я в этом не участвую. Дай бог мне отсидеть за то убийство.

В общем, можете считать меня торговцем средней руки. И когда в сорок девятом Энди Дюфрен подошел ко мне и спросил, могу ли я раздобыть для него фотоплакат киноактрисы Риты Хэйворт, я ему ответил: нет проблем. Проблем действительно не было.

Когда Энди попал в Шоушенк в сорок восьмом году, ему было тридцать. Маленький, худенький, светлые волосы, изящные, холеные руки. Очки в золотой оправе. Ногти всегда чистые, ухоженные. Забавно — вспоминая мужчину, говорить о том, какие у него ногти, но в этом для меня весь Энди. Ему только галстука не хватало. На воле он был вице-президентом крупного портлендского банка и отвечал за кредитные операции. Совсем неплохо для человека его возраста, особенно если принять во внимание консервативность наших банков, да притом еще в Новой Англии, где люди доверяют тебе свои денежки, только если ты лысый, хромой и не забываешь поддегивать брюки на коленях, чтобы не помялась стрелка. Энди сел за убийство жены и ее любовника.

В тюрьме — я, кажется, уже говорил — все сидят «ни за что». Эту песенку здесь повторяют так же вдохновенно, как наши святоши-телепроповедники — Апокалипсис. Все — жертвы судей, у которых сердце из камня (и яйца заодно), или безграмотных адвокатов, или полицейской провокации, или фатального невезения. Язык повторяет эту песенку, но по лицу-то все видно. В большинстве своем тюремная публика — народ тертый, и себе и другим враги, и если уж говорить о невезении, то оно в том, что у их мамаш не случилось выкидышей.

За все годы моего пребывания в этой клетке не наберется и десяти пташек, в чью невиновность я готов был поверить. Энди Дюфрен — один из них, но и ему, кстати, я поверил далеко не сразу. Будь я одним из присяжных, которые слушали его дело в течение бурных шести недель сорок седьмого — сорок восьмого в Верховном суде в Портленде, я бы тоже признал его виновным.

Дельце было то еще — из серии пикантных, со всем, что полагается. Юная красавица со связями (убита), местная спортивная знаменитость (убит) и молодой преуспевающий бизнесмен — полный комплект. Плюс всякая «клубничка», тут уж газеты расстарались. Для обвинения это было простое дело. Суд потому так затя-

нулся, что окружной прокурор собирался баллотироваться в палату представителей и давал возможность «широким слоям населения» получше рассмотреть свою физиономию. Это было первоклассное шоу, и, чтобы попасть на него, зрители занимали очередь с четырех утра, несмотря на ударившие заморозки.

Факты, которые изложил прокурор и которые Энди не думал оспаривать, таковы: он был женат, жену его звали Линда Коллинз Дюфрен; в июне 1947 года она выразила желание заняться гольфом в местном клубе «Фалмут-Хиллз»; в течение четырех месяцев она там брала уроки; ее инструктором был спортсмен-профессионал Гленн Квентин; в конце августа Энди узнал, что у его жены с Квентином роман; 10 сентября, днем, между Энди и Линдой Дюфрен произошло бурное объяснение, поводом для которого послужила супружеская измена.

Согласно показаниям Энди Линда обрадовалась тому, что он в курсе ее романа; действовать за его спиной, заявила она, кажется ей унижительным. Она сказала, что ее адвокат обещает устроить развод «по-быстрому». Энди заметил, что прежде, чем адвокат устроит ей развод, он, Энди, устроит ей кое-что похлеще. Она уехала к Квентину, чтобы провести ночь в бунгало, которое тот снимал неподалеку от площадки для гольфа. Наутро женщина, приходившая убирать, нашла их в постели мертвыми. В обоих было всажено по четыре пули.

Этот последний факт восстановил всех против Энди больше, чем что-либо другое. Прокурор с его политическими амбициями сделал на этом упор в своем вступительном слове и в заключительной речи. Энди Дюфрена, сказал он, нельзя рассматривать как пострадавшего мужа, в пылу гнева бросившегося отомстить жене-изменнице, что, по словам прокурора, можно было бы если не простить, то, по крайней мере, понять. Нет, тут был холодный расчет. «Вдумайтесь! — обрушивался обвинитель на присяжных. — По четыре пули! Не шесть пуль, а восемь! *Расстреляв всю обойму, он перезарядил пистолет и всадил в своих жертв еще по одному патрону!*» ПО ЧЕТЫРЕ ПУЛИ НА КАЖДОГО! — кричал заголовок со страниц портлендской «Сан». А бостонский «Реджистер» окрестил его Убийцей Дважды Два.